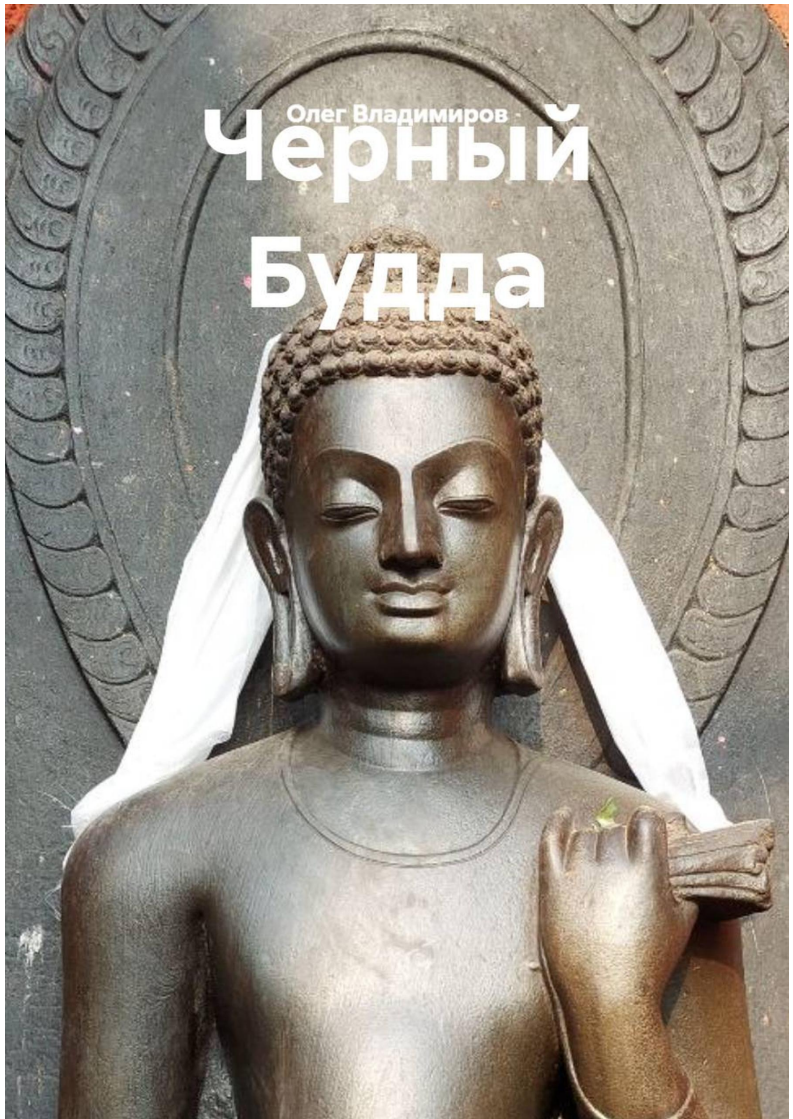

Олег Владимиров

Черный Будда

Олег Владимиров Черный Будда

<https://litres.ru/74034604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я не буддолог, не «непалист», не историк, то есть вообще не специалист в той области, часть которой будет неизбежно описана. Вы столкнетесь с моими глубоко личными дилетантскими впечатлениями и, возможно, они каким-то образом исказят достоверную картину, если таковая вообще существует. Предмет интереса – мое сознание и его реакция на предложенные обстоятельства. Я ничему не учу, ничего не продаю, не пытаюсь никого ни в чем убедить. Эта книга нужна прежде всего мне самому, к тому же я попросту обещал ее написать. А если кто-то вдруг захочет ее прочесть и сочтет интересной или полезной – буду рад.

Перед прочтением настоятельно рекомендуется избавиться от ярлыков, стереотипов, установок и прочего ментального мусора. Впрочем, возможно, как раз чтение вас от них и избавит. Но это не точно.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Олег Владимиров

Черный Будда

Глава

Предупреждение вместо предисловия

Я не буддолог, не «непалист», не историк, то есть вообще не специалист в той области, часть которой будет неизбежно описана. Вы столкнетесь с моими глубоко личными дилетантскими впечатлениями и, возможно, они каким-то образом исказят достоверную картину, если таковая вообще существует. Предмет интереса – мое сознание и его реакция на предложенные обстоятельства. Я ничему не учу, ничего не продаю, не пытаюсь никого ни в чем убедить. Эта книга нужна прежде всего мне самому, к тому же я попросту обещал ее написать. А если кто-то вдруг захочет ее прочесть и сочтет интересной или полезной – буду рад.

Перед прочтением настоятельно рекомендуется избавиться от ярлыков, стереотипов, установок и прочего ментального мусора. Впрочем, возможно, как раз чтение вас от них и избавит. Но это не точно.

Сборы

Жизнь летела кувырком и на бреющем – за пару лет я потерял родину, семью, работу, дом, имущество. В общем, примерно все, что составляет эту самую жизнь. Много нового узнал о людях. Из приобретений была только Лилька, которая и предложила поехать в Непал.

– Все равно ты сейчас ничем не занят. Когда еще будет такая возможность?

Похоже, она приготовилась меня уговаривать, но я удивительным образом сразу согласился. Обычно решение куда-то поехать принимаю долго, все тщательно взвешиваю, просчитываю. А тут... Жизнь, напомним, кувырком. Точек опоры нет, какое-то сплошное падение и парашют не выдали. Действительно – когда еще? Что мне терять? Когда падаешь, все равно – куда. Тем более до поездки еще пара месяцев. Это как согласиться когда-нибудь сходить в кино, в принципе, а не на конкретный фильм послезавтра. Вот я и согласился, легко и непринужденно.

Первый звоночек прозвенел, когда Лось сказал, что тоже поедет, если поеду я. Не люблю навязанной созависимости. Получается, теперь изволь ехать в любом случае. Еще

серьезнее все стало после покупки билетов, естественно, невозвратных. И все равно дорогих – Непал далеко!

И ох уж мне эти групповые поездки! Летишь один или с семьей – все просто. Но когда шесть человек пытаются синхронно купить билеты из четырех точек... Подбор, стыковки, номера рейсов, я не вижу этот рейс, я не вижу время вылета, я не вижу багаж, я вообще ничего не вижу! А у меня карта не проходит! Карта, кстати, не проходила у меня.

Когда все уже с моей и божьей помощью купили билеты, а сам я подвис, решил, что не судьба лететь, судьба не лететь. Езжайте, говорю, без меня. Мне предложили заткнуться и попробовать еще раз. В интернетах что-то шелкнуло и вот я лечу в Катманду.

Теперь я был привязан к поездке основательно, но все равно не думал об этом. Было, скажем так, о чем подумать кроме Непала. И еще одна штука... Я какое-то время назад понял, что чем меньше ожиданий от поездки, тем лучше она выходит.

Полетел, помню, как-то в Будапешт – едва ли не случайно, вообще без ожиданий каких-то, просто подвернулся дешевый билет. И очень понравилось! А потом была поездка в Барселону, про которую прожужжали все уши – как там здо-

рово, замечательно, красиво и чудесно. И что в итоге? Разочарование, поскольку ожидания изначально были выкручены на максимум.

Про Непал я вообще не думал. Будь что будет. Безработный на предпоследние деньги летит на две недели в Катманду! Изначально панк-вариант, сам бог велел забить, запить и забыть.

Но чем ближе день отъезда, тем сильнее меня начинало штырить. Примерно за неделю появилось легкое беспокойство, которое росло в геометрической прогрессии и достигло категорического нежелания куда-либо двигаться в принципе. За два дня до старта хотелось забиться под диван и не вылезать. За день начались, натурально, панические атаки: немели пальцы, бешено колотилось сердце. Какие там сборы!

Хорошо, что это состояние не было для меня откровением. Я догадывался, что нечто подобное вылезет: когда долго никуда не едешь – а я просидел на одном месте полтора года! – меня обычно накрывает чем-то подобным. Тут вышло прямо очень интенсивно, приходилось скручивать себя в бараний рог и заставлять, шаг за шагом, делать необходимое: менять деньги, покупать что-то в дорогу, собирать чемодан, думать, как добраться до аэропорта.

Непонятно было с одеждой. Интернет говорил, что днем в конце февраля – начале марта в Катманду +20, а ночью +5. Сработала старая сибирская мудрость – одеваться капустой. Майка, на майку байка, плюс наготове легкая пуховая куртка, которую можно скатать до размера рулона салфеток и таскать в рюкзаке. Штаны удобные, ботинки-вездеходы, которые не только не подвели, но и радовали многократно за способность легко, одним движением, скидываться и этим же движением надеваться обратно. Очень практично, поскольку в Непале огромное количество мест, где нужно разуваться.

Всего нас отправилось, напомним, шестеро: три сестры буддистского исповедания, одна из них моя Лилька, я, Лось и примкнувшая к нам в последний момент Маруся.

Ну и все. Полетели.

День первый. Знакомство с Буддой

Британские ученые утверждают, что для человеческого мозга нет разницы, переживает ли он что-то в реальности или в воображении. Как выяснилось, буддисты считают примерно так же. Непал – это реальность, которую ты пропускаешь через воображение, и результат может быть самый

неожиданный.

Сначала просто картинка из иллюминатора: завораживающий ряд белоснежных вершин, огромных даже на большом удалении. Потом станет ясно, что больше в таком виде их не увидишь: издалека, в редкий ясный день, откуда-нибудь с высокой точки рядом с Катманду можно что-то разглядеть. Чтобы увидеть Гималаи более-менее подробно, надо долго ехать или даже лететь, а потом еще пешком в трекинг недели на две. В наши планы это не входило. Мы уже приехали.

Приземлились, стало быть, днем. Первое впечатление – «куда я попал?». Лет на тридцать назад, не иначе. Аэропорт Катманду со стороны летного поля напоминал любой захолустный российский аэропорт начала девяностых: латаный асфальт, стертая разметка, постройки сарайно-облезлого типа, убитая техника эпохи раннего средневековья. Картина «мама, мы все украли».

Но внутри аэровокзала оказалось внезапно уютно. Прямо на входе расположилась статуя Будды, кругом – темное дерево, создающее уют хоть в сельском клубе, хоть в сауне. Мне понравилось. Еще больше мне понравилось, когда за мои сто долларов в обменнике мне дали целых 14 тысяч местных рупий, пусть и ужасно грязных, старых и рваных. Экзотика началась.

Продолжилась она на выходе из аэропорта. Кругом – куча машин и народу, пара полицейских каким-то чудом и добрым словом сохраняли стерильно чистым пространство непосредственно перед выходом. Тут мы и подвисли, стараясь понять, в какую сторону двигаться дальше.

Из неоткуда материализовался Лекс – я давно не видел таких потешных чуваков. В какой-то клетчатой пижаме, со смешным вязаным колпаком на вытянутой голове и в резиновых «кроксах» поверх носков, в которые были заправлены пижамные штаны. В сочетании с худобой и прыгающей походкой выглядело это как будто дети выпустили Санта-Клауса из заложников. Поздоровавшись, он умчался за такси, сказав нам стоять на месте. Лекса на просторах интернета выудила Маруся, он был русский прибалт-буддист и клятвенно божился помочь нам всячески, если мы у него купим экскурсию, а лучше две.

Мы стояли довольно долго, вдалеке мелькал колпак Лекса. Я успел хорошенько оглядеться, но так ничего толком и не понял. Через дорогу от аэропорта, который находится в черте города, была большая площадь, запруженная людьми и машинами, что-то вроде паркинга. Люди просто стояли рядами, висели на ограде этой «парковки» – смотрели в нашу сторону. Я почувствовал себя немножко в зоопарке, причем

внутри клетки. Направо – холм и дорога, налево – дорога, прямо за «паркингом» какие-то постройки. И мы в центре, уставшие и нарядные.

Тут Лекс замахал издалека руками: двигайте, мол, сюда. Мы вместе с чемоданами двинули и со скрипом втиснулись в два таксомотора каждый размером с коробку из-под печенья. Сузуки Марути явно родом из XX века – основной ящик для перемещений по Катманду, а также наглядная иллюстрация иллюзорности категории пространства. Когда садишься – пространство исчезает, но ты в нем, тем не менее, как-то перемещаешься, из точки «А» в точку «Б». Я прикрыл уши коленками, свернувшись в калач на переднем сидении, так что пусть Лекс не обижается, если у меня не получилось помахать ему в порыве благодарности. Зато стоимость поездки была весьма обезболивающей.

Обезболивать было что: помимо физиологических трудностей обычный европеоидный хомосапиенс в первую поездку на непальском такси испытывает целый комплекс душевраздирающих впечатлений. Это как американские горки в Диснейленде, только не американские, не горки, и не в Диснейленде. Ужас, набегающий через лобовое стекло, называется – местный трафик. Из-под колес дельфиньими стаями с фырканием разлетаются мотоциклисты, автомобили всех цветов и стадий разложения идут на таран, как пираты Дей-

ви Джонса, почуявшие кровь, на все это с неба пригоршнями сыпятся пешеходы.

Сначала мы «мчались» по довольно широкой «трассе» плотным потоком, километров 40 в час. Когда дорога сузилась, скорость драматически упала, а местные детишки принялись перегораживать проезжую часть веревкой прямо перед мордой машины. Наш водитель тормозил, платил денежку, дети с хохотом убегали. Потому что Новый Год, объяснил таксист. Еще через две веревки я уже сам протягивал купюры в окошко и даже ржал. Новый Год же, пусть и тибетский, его тоже празднуют в Непале. Не зря Лекс показался Санта-Клаусом.

Ехали минут сорок, пока вдруг впереди, над кривым асфальтом, прямо из которого посреди дороги рос телеграфный столб, на нем – улей из проводов, над разноцветными домами разной степени достроенности и обветшалости, над буйной всепобеждающей зеленью, над людьми, автомобилями и мотоциклами, над всей суетой – вырос зеленый холм Своямбу с бело-золотой ступой наверху. Я понял, что мы, пожалуй, приехали.

Но, как положено, сначала заехали не туда. И не мудрено, ведь наш гестхаус расположен в жопе, а таксисты в Катманду принципиально игнорируют навигатор. Покружив по пе-

реулкам вдоль глухих заборов, вверх-вниз, все же прибыли, расплатились и потащили чемоданы строго вверх – любимое направление в Непале. Асфальта не было, а мысль «куда я попал?» превратилась в лейтмотив, устало бьющийся изнутри об черепную коробку. Но все терзания и сомнения отступили за забором геста: внутри было почти волшебю.

Небольшой садик с плетеной мебелью, откуда открывался шикарный вид на Своямбу. Дом в четыре этажа, чистенький и уютный, с общей кухней-столовой, комнаты со всеми удобствами немного на непальский лад: душ, к примеру, льется прямо на пол, потом надо убирать воду шваброй. Уличную обувь оставляют в коридоре, что правильно: на улицах грязь, лестницу моют, а в комнате – ковролин. Истинное благолепие после приобретенных впечатлений.

Что делает человек после затяжного путешествия через половину Евразии? Правильно, выдвигается на Своямбу. Предварительно отряхнувшись и перекусив. Перед нами открылась лестница в 365 ступеней, каждая – зря прожитый день в любом году. Чем выше, тем круче ступени, но по пути есть площадки и лавки для осмысления пройденного. Вокруг целый комплекс монументов, лестниц, лесенок, парапетов, тесно переплетенных с природой и сплошь заселенных обезьянами. Макаки активно живут своей жизнью – тусуются стайками, вычесываются, бегают-прыгают, спо-

рят, кричат, медитируют в неподвижности, уперев взгляд в вечность. Повсюду статуи Будд, местные тут же занимают-ся кросс-фитом, туристы прокачивают ноги и дыхалку, карабкаясь вверх... Ощущение фантасмагории, нереальности происходящего нарастало с каждой преодоленной ступенькой.

Ближе к макушке холма нас безошибочно идентифицировал в качестве белых людей, подлежащих легкому раскулачиванию, специально обученный дядечка и пригласил к будке по соседству – оплатить.

Белый человек в Непале – источник поступлений. В любое мало-мальски достопримечательное место (не считая, разумеется, храмов и монастырей) вход платный. На Своямбучена цена щадящая, 400 рупий, не жалко. Тем более, что деньги идут на уборку территории. В обмен на непривычные еще купюры выдали «проходку» на веревочке: надеваешь на шею, и все сразу видят, что ты добропорядочный турист, а не хрен с горы.

Сразу за будкой, в самом конце лестницы нас настигла первая достопримечательность, перегораживающая дорогу: огромная ваджра или дордже, что одно и то же на санскрите и тибетском. Изначально оружие наподобие палицы, в буддистской традиции ваджра перекавалифицировалось в риту-

альный скипетр, олицетворяющий и активность, как таковую, и абсолютную нерушимую основу бытия, и силу духа и, не поверите, даже сочувствие. Все это, понятное дело, я вычитал потом в умном интернете. Устройство ваджры имеет символическое значение, ее центр – бинду, начало неделимой Вселенной, с двух сторон – схематичные цветы лотоса, символизирующие полярность сансары. Их четыре «лепестка» – четыре стороны Вселенной, а ось – священная гора Меру. Все вместе они соответствует пяти преображенным составляющим сознания и соответствующим им Буддам. Дада, Будда не один в природе, скоро я в этом уверюсь наглядно.

Вот что еще вычитал: данную конкретную ваджру соорудил король Протап Малла в XVII веке, вряд ли лично, но, во всяком случае, дело было в его царствование. Он же постарался и профинансировал строительство самой лестницы, а еще двух индуистских храмов-клыков по бокам от ступы возвел, за что буддисты, конечно, тоже безмерно ему благодарны, но сквозь зубы.

А вот что мне было уже известно, я ж готовился: Своямбунатх или Своямбху, Своямбу – как его тут все называют – место не просто культовое, а основополагающее для буддизма Ваджраяны и центральное для мифологии всей долины Катманду. По преданию, на месте долины было озеро, по-

среди которого рос огромный и, без сомнения, прекрасный лотос. Настолько прекрасный, что привлек внимание товарища Манджушри лично. Мандушри, согласно Википедии, «проводник и учитель Будд прошлого, отец бодхисаттв».

Прилетев для изучения объекта, Манджушри, проникся красотой цветка, который ко всему еще и светился. Есть версия, что в лотосе находился огромный сверкающий алмаз, который до сих пор формирует основу ступы. Так или иначе, Манджушри решил, что надо сделать эту красоту общедоступной, для чего осушил озеро. Так появилась и стала заселяться долина Катманду, а на месте сияющего лотоса нынче холм Своямбунатх, что в переводе означает «самовозникший».

Легенда отсылает историю Своямбу на много тысяч лет назад, а ученые отследили присутствие здесь ступы как минимум с V века нашей эры. Вообще, ступой считается весь холм целиком. Якобы та, первая ступа, возникновение которой относят ко временам Будды Кашьяпы, скрыта внутри холма, а на вершине проявлена лишь ее часть. Недаром и кору, традиционный обход ступы по часовой стрелке, местный народ совершает понизу, вокруг опоясанного барабанами холма.

Последний раз ступу восстанавливали более ста лет назад. Король Непала попросил о помощи в этом короля Бутана и

тот прислал Ламу Шераба Дордже Ринпоче, который двенадцать лет занимался тем, чтобы мы видели то, что видим. Запомните это имя. Запомнили? Идем дальше.

Ваджра-дордже, честно говоря, не произвела на меня сразу особого впечатления. Возможно потому, что я ее лицезрел, тяжело дыша после подъема. Что не отнимает у нее объективных достоинств: размер, проработка деталей, внушительность, где-то даже величие. Красивая штука, но вот не зацепила.

А сразу за ней вырастает, собственно, ступа. Хотя кого я обманываю? Ступа «выросла» в поле зрения еще днем, издалека, на подъезде к Своямбу. И когда поднимаешься по лестнице – ее макушка всегда на виду. Но вот она прямо перед тобой. Причем настолько прямо, в упор, что разглядеть можно только детали, вся целиком она не умещается в пространстве, и есть в этом что-то символическое.

Большинство храмов в мире стоят на площадях – чтобы было место охватить их взглядом, оценить масштаб, проникнуться величием. Но бывает так, что места не хватило, сооружения замкнуты в стены или кварталы, как, например, в Праге собор святого Вита замкнут Пражским Градом, а фасад Тынского спрятан за домами на Староместской площади. Тогда задирай голову, включай воображение, но лицом к ли-

цу лица не увидать. Здесь примерно та же история – упираешься взглядом ровно в барабаны, опоясывающие ступу. За ними белая «юбка», плавно уходящая в небо своеобразным шатром. Задрвав голову, можно разглядеть квадратное навершие, где на каждой из сторон – глаза Будды с носом в виде непальской цифры «1», указывающей единственный путь к просветлению. Если присмотреться, можно обнаружить третий глаз, а ушей нету – потому что Будде неинтересно слушать молитвы в свою честь. Так мне объяснила Лилька.

Дело было к вечеру, зажглось разноцветное освещение и в его мерцании трепещущие на ветру флажки и скачущие там и сям макаки добавляли происходящему волшебной пыли. Лилька перевела мое расфокусированное внимание на встроенные в ступу ниши, прерывающие линию ритуальных барабанов. Внутри, за двойным слоем решеток, были упрятаны небольшие статуи Будд в цветных одеждах – желтых, зеленых, красных, белых, синих.

– Каждый Будда трансформирует какую-то мешающую эмоцию: гнев, привязанность, гордыню...

– Во что трансформирует?

– В свойства мудрости.

– Об этом их надо просить или они сами справляются?

– Если осознаешь свои мешающие эмоции и есть намерение от них избавиться – все проще происходит. Но они в любом случае работают.

– Слушай, а ведь Будда вроде бы один, который Гаутама.

– Это Будда, проявленный в нашем мире. Причем, только в наше, так сказать, время, в нашу эпоху. В прошлом были другие Будды, будет Будда в будущей калпе, Майтрия. А эти Будды, как бы тебе сказать, из другого мира. У Будда-семейств, кстати, и фамилии есть...

Спустя какое-то время, примерно через полгода, я уже лучше разобрался в Буддах, ориентированных по сторонам света, определенным цветам и «ядам», с которыми они справляются. Так, Вайрочана одет в белое и работает с неведением, зеленый Амогхасиддхи растворяет зависть, красный Ами табха заведует борьбой со страстями, синий Акшобья помогает справиться с гневом, а желтый Ратнасамбхава трансформирует гордость. А когда я вернулся на Своямбу год спустя, зафиксировал имена всех присутствующих, по порядку, по часовой стрелке от основной фигуры Будды Ами табхи и его супруги Пандары. Далее идут Тара и Амогасиддхи, Сапталочани, она же Белая Тара и Акшобья, Вай-

рочана в гордом одиночестве, Мамаки (Желтая) Тара с Ратнасамбхавой. Но тогда, в свой первый визит на Своямбу, я видел лишь разноцветные фигуры, спрятанные за двойными решетками.

Мы прошли вокруг ступы, народ куда-то растворился, Лилька отправилась разглядывать что-то ей интересное, а меня утащило в другую сторону: я увидел небольшой храм необычной архитектуры. Внутри в низком проеме сидел, видимо, кто-то вроде зрителя, и улыбался. Потом я узнал, что это храм Харити, узнал ее историю, выяснил, что за храмом следят невари – представители одной из народностей Непала, которые долгое время считались здесь кем-то вроде неприкасаемых. Но именно они традиционные хранители здешних культовых буддистских мест.

Храм Харити изящен и немного зловещ – что неудивительно, когда узнаешь историю этой дамы, жравшей детей. История там вкратце такая: было у Харити множество отпрысков, сотни, кормить их было особенно нечем, вот она и крада потомство у людей для пропитания собственных чад. Все, как говорится, в дом. Люди попросили защиты у Будды Шакьямуни. Тот, недолго думая, украл одного ребенка у Харити и спрятал. Безутешная мамаша в свою очередь пришла к Будде за помощью. Тот вернул ребенка и сказал – смотри, как ты переживаешь из-за потери одного из сотен своих де-

тей. Представь, как страдают люди, теряя единственного ребенка. Тут Харити резко изменила свои взгляды на киднеппинг и поклялась защищать детей. Теперь она благопорядочная покровительница родов, детства и прочего материнства, к ней ходят за благословением, в основном, беременные дамы и молодые мамы. Харити одинаково почитается в индуизме и буддизме, и по выходным и праздникам к этому храму вьется длинная очередь.

Я сделал несколько снимков и только потом увидел табличку с просьбой не фоткать. Человек, сидящий внутри, продолжал улыбаться. Теперь я должен задать вопрос: вас когда-нибудь било током?

Не могу точно вспомнить, в каком месте я почувствовал первое движение воздуха. Небольшой ветерок присутствовал – но это было что-то вроде вибрации. Как будто низкочастотный ток пробегал волнами, задевая и покалывая. Не возле храма Харити точно, некая белая стена где-то рядом со ступой, и стена принадлежала какому-то храму. Сейчас пытаюсь восстановить картинку, но не могу идентифицировать место. Так или иначе, в воздухе образовалось едва заметное, но физически осязаемое напряжение. В сочетании с едва уловимым специфическим запахом, смеси благовоний и чуть затхлой сладковатой... э-э-э, древности?

Меня это не застало врасплох – как-никак место намоленное, в подобных локациях у меня периодически случаются различного рода инсайты. В Праге в соборе святых Петра и Павла на Вышеграде несколько раз, с разрывом в пару лет, совершенно одинаково гладили по голове, в Киеве в соборе святого Владимира накатывало что-то очень древнее... Требуется некоторое время для осознания происходящего. В воздухе едва ли не зримо что-то зудело, какие-то слабые токи пронизывали пространство. Внятно описать сложно, но ощущения достаточно явственные, чтобы не списать их на самовнушение на фоне джет-лага.

Я принялся целенаправленно сканировать пространство в поиске источника вибраций. Потыкался возле пары храмов – не то. Интуитивно меня притянуло в угол площади, расположенной за большой ступой и окруженной небольшим огородом из относительно миниатюрных ступочек. Как сомнамбула я выбрел на черную фигуру стоящего Будды в полтора человеческих роста, выбитую в VII веке из цельного камня, о чем свидетельствовала расположенная рядом табличка. Еще табличка, крайне потертая и едва различимая, сообщала, что имя Будды – Дипанкар. Уже потом, примерившись, я понял, что фигура на самом деле была в человеческий рост, просто стояла на небольшом постаменте. Пропорциональное тело с мощным плечевым поясом, кучерявая голова, вытянутые уши, полуприкрытые глаза, полуулыбка, правая рука

с раскрытой ладонью...

От каменной фигуры, сделанной удивительно искусно, шел ровный мощный поток энергии, который я ощутил всем телом. С чем бы сравнить? Представьте ветер из огромного количества мельчайших частиц, которые пронизывают нас сквозь и едва уловимо щекочут. Чувствуется напор и мощь и, одновременно, мягкость и легкость. Будда смотрел на меня и улыбался.

Я простоял какое-то время, пытаясь удостовериться в реальности происходящего. Кажется, даже услышал легкое жужжание этого «генератора». Мистический опыт, да? Когда вас бьет током, вы же не ссылаетесь на мистику, потому что знаете, что такое электричество. Верите в его существование – вот же оно, в телевизоре, холодильнике, лампочке, проводах. Бегут какие-то заряженные частицы, физика.

Бывает, что дело во внутренних настройках и самовнушении – люди чувствуют то, что хотят ощутить. Что-то уловили, а остальное доделывает воображение. Я попытался сбросить эти ощущения, обнулить восприятие: повертел головой, посмотрел в небо, снова перевел взгляд на Будду. Он улыбался, как показалось, чуть более насмешливо, но по-доброму – а энергия никуда не ушла, продолжала литься сквозь меня. Я отошел на несколько метров – энергия шла за мной

потоком. Не электрическая, но явно имеющая свою природу и источник.

Как себя ведут в подобной ситуации нормальные люди? А я не знаю. Мне кажется, что по какой-то причине внутренне был готов к чему-то подобному. Не то чтобы воспринял все как само собой разумеющееся, но удивительно спокойно. Подошла Лилька, я ей сказал, что чувствую мощную энергию от статуи. Она улыбнулась – не знаю, поверила или нет. Потом сказала, что поверила, конечно, просто не хотела мешать.

Я отошел на приличное расстояние, поток утих. Внутри образовалась какая-то наполненность, как будто я кувшин, и меня наполнили чем-то вроде вина. Оно слегка кружит голову, но выпить не получается – я ведь кувшин. Сгусток энергии внутри, а снаружи оболочка с ручками-ножками.

Под впечатлением я еще какое-то время ходил по Своямбу кругами, и вокруг ступы, и по окрестностям, встречая и теряя знакомые лица, что-то говорил, отвечал, стараясь не расплескать то, что внутри. Местные граждане принялись разжигать костер – перед тибетским Новым Годом, Лосаром, на который мы угодили, принято сжигать все прошлое и ненужное. Масленица, да и только. Во многих культурах есть такая традиция.

После перелета с другой части света и карабканья на 365 ступеней я чувствовал себя удивительно спокойным и полным сил. Даже есть не хотелось, хотя все остальные были голодны, и мы нашли в итоге открытую в уже поздний по местным меркам час (было около восьми вечера) кафешку с мо-мо, непальскими пельмешками, здесь же, на вершине.

Когда вышли из кафе, было уже совсем темно, служащие выключали освещение, а стайки незаметных днем бродячих собак принялись облаивать припозднившихся посетителей, спешащих вниз. Поспешили и мы, каждый со своими впечатлениями. Катманду разливался внизу мириадами огней и огоньков, переливался и перемигивался, у подножия Своямбу на площади шел какой-то предновогодний, видимо, концерт – песни и пляски, индийское кино а-ля натюрель. У нас даже хватило сил заглянуть на это мероприятие, впрочем, люди уже расходились, отправились спать и мы.

Так прошел первый день.

День второй. Пуджа, Боуда и немного про реальность

На вопрос «кто ты?» ответить трудно, но я все же попробовал. «Я тот, кто зачем-то приехал в Катманду и теперь по-

чему-то идет в какой-то монастырь на какую-то пуджу». Пуджа, как мне объяснили, посвящена Махакале, кто бы это ни был, а монастырь зовется Сангье Чолинг «Прозрачного Ламы» Лопена Цечу Ринпоче.

Да-да, того самого, который растворял свое тело в воздухе. Он, к сожалению, уже растворился безвозвратно в 2003 году, но Лильке повезло, она успела увидеть Лопена Цечу и пообщаться с ним несколько раз на ретритах, получить от него некоторые посвящения. Рассказала по дороге, петляющей переулками вверх-вниз (в основном, вверх) много интересного. Например, как-то в Испании, где Цечу Ринпоче построил самую большую в западном полушарии ступу, Лилька и еще несколько граждан-буддистов пришли в нему пообщаться и получить благословение. Помощник сказал, что Ринпоче сейчас занят, но скоро освободится, подождите. И тут у всей кампании как будто подкосило ноги, и все, не стовариваясь, плюхнулись, где стояли. «Как будто кто-то мягко пригнул к земле, – вспоминала Лилька, – и внезапно мы вместе начали медитировать». Спустя какое-то время «отпустило», и тут же вышел помощник и сказал, что Ринпоче закончил медитацию и может принять посетителей. Мощный, судя по всему, был лама.

Но до конца он не растворился. Согласно буддийской традиции, Цечу Ринпоче постигла реинкарнация, в данном слу-

чае если не совсем осознанная, то вполне себе опознанная. Людей, в которых возрождаются знаменитые мастера, называют тулку – вот его-то я и увидел. Молодой Джигме Чоинг Норбу только что прилетел из Бутана и зашел в «свой» монастырь почти одновременно с нами, в сопровождении многочисленной свиты и чемоданов.

Он поднялся на площадку перед монастырем с противоположной от нас стороны, попав в коридор встречающих монахов и мирян, в том числе европейцев. Завыли трубы и молодой, худой, улыбочивый, в очках, Ринпоче, немного смущаясь, принялся накидывать протягиваемые ему с поклоном белые шарфы на шею – благословлял. Ринпоче дошел до меня, пристроившегося последним в ряду, увидел, что вместо шарфа у меня в руках телефон, улыбнулся и прошел мимо.

Тут, наверное, самое время рассказать, что такое пуджа и гомпа. Гом по-тибетски – медитация, гомпа, соответственно, место для медитации. Как правило, основной зал монастыря или храма для проведения медитаций и обрядов, в частности – пудж. Пуджа – ритуальное событие, посвященное тому или иному аспекту буддизма, может длиться довольно долго, несколько дней или даже недель. Опять-таки – ничего этого я на тот момент не знал, но вот выяснил и делюсь знанием.

До начала пуджи мы успели подняться по боковой лест-

нице в зал (гомпу?), где по центру за стеклом стоял... э-э-э... саркофаг? Не знаю, как правильно это назвать. Сооружение, похожее на ступу, внутри которого находится тело Лопена Цечу Ринпоче. Говорят, после смерти он, в соответствии с одной из традиций ухода йогинов, сильно уменьшил размеры своего тела, так что его свободно поместили в сидячем положении в относительно небольшую ступу, а уже ее – в этот саркофаг побольше.

Помните, я просил вас запомнить имя Шераба Дордже Ринпоче, который восстановил больше века назад ступу Своямбу? Так вот, Лопен Цечу Ринпоче – его племянник и преданный ученик. А преемником Лопена Цечу в его заботах о Своямбу и окрестностях стал Шераб Гьялцен Ринпоче, о существовании которого я еще не подозревал. Но скоро судьба сведет меня с ним, заставив впоследствии много думать о коллизиях судеб и важности почти случайных, казалось бы, встреч.

Главное место на алтаре позади саркофага с Цечу занимала фигура суровой дамы. Во всяком случае, я решил, что это дама. Вскоре методом допроса Лильки было установлено, что это Будда Ваджратхара. Упс, простите. Казалось, что Будда не сводит с меня глаз, куда бы я ни пошел. И смотрит с некоторой насмешкой. Возможно, ему не понравилось, что я принял его за даму. В свое оправдание могу сказать, что чер-

ты лиц у многих культовых личностей в буддизме настолько мягки, что не грех и перепутать.

Я постарался со смирением принять насмешку Ваджратхары, пообещав, что, когда приду сюда в следующий раз (была почему-то такая уверенность), непременно буду более любезен. Так сказать, выйду и зайду как положено. Его прощальный взгляд сказал мне: хорошо, посмотрим.

Атмосфера вокруг была умиротворяющая, хотелось присесть в уголке и уткнуться носом в вечность. Лилька села медитировать, я тоже расслабился и слегка потерялся во времени и пространстве. Когда мы очнулись и спустились в главную гомпу, пуджа уже стартовала.

Вдоль главного прохода сидели в два ряда монахи, нарраспев читая текст, изложенный на узких, как будто нарезанных для какой-то игры, страничках. Я вдруг подумал, что эти узкие странички можно с тем же успехом назвать широкими – все зависит от восприятия. Эдакие, короче говоря, полоски с текстом. Время от времени монахи бросали читать и начинали стучать в барабаны и дуть в трубы, создавая неповторимый колорит буддистской церемонии. Все желающие разместились в несколько рядов за монахами и вдоль стен, на относительно мягких циновках. Мы пробрались вдоль стены и нашли наших и свободные места где-то сбоку.

Непривычно сидеть, скрестив ноги. Вика, сестра Лильки, прошептала, что правильно держать левую ногу ниже правой – дескать, так лучше циркулирует энергия. Не знаю, куда она там циркулирует, но только не в ноги. Конечности через десять минут безбожно затекли, и я начал сомневаться, что вообще смогу встать. Знакомые с сутью происходящего граждане погрузились в процесс, бормоча под нос непонятное, я же просто пытался освоиться в незнакомой обстановке, вертел головой, шевелил, как мог, ногами и отмечал какие-то незначительные детали.

Заметил, что одни монахи довольно бодро перелистывали странички с текстом, в то время как другие на них почти не смотрели – знали текст наизусть? Увидел, что в целом слаженный оркестр пуджи все же заметно распадается на отдельные голоса и звуки: тут не было отрепетированности, просто присутствовала некая общая канва, которую каждый вел в силу своего понимания и, вероятно, внутренних настроек. Кто-то распевал громче, кто-то тише, кто-то чуть быстрее, монахи покачивались, замирали, что-то поправляли в одежде, почесывались – чувствовали себя довольно свободно.

Лейтмотив задавал лама, которого я не видел, обзор перегораживал столб. Возможно, это был Джигме Чоинг Нор-

бу Ринпоче, хотя голос был низковат для двадцатилетнего юноши. Он пел в микрофон, время от времени переходя на горловое пение, и тогда низкие вибрации заполняли все пространство гомпы. Эффект – завораживающий. Для меня это была экзотика в незамутненном пониманием виде, я впитывал происходящее как зритель на спектакле, идущем на незнакомом языке. Думаю, таких как я, было не больше десятка человек, остальные – и монахи, и миряне – были участниками, исполнителями.

Через какое-то время мне пришлось поменять положение ног, а еще минут через двадцать я понял, что пуджа и не думает закругляться. Похоже, история длинная. Я заметил, что многие не из числа монахов периодически встают и выходят, другие – возвращаются.

Воспользовавшись свободой передвижения, я на полусогнутых деревянных ногах выскользнул на воздух, отыскал свои ботинки и пошел размяться. Во дворе монастыря на стульях сидело человек тридцать – им прекрасно было слышно происходящее внутри через открытые двери. Я прогулялся до невысокой ограды, за которой открывался живописный вид на окрестности. Еще и суток не прошло, как я приземлился в Катманду, а уже столько впечатлений! Отправится в Непал без каких-либо ожиданий было очень по-буддистски: возможно, именно поэтому восприятие было таким ярким.

Ну или в прошлой жизни я был буддист.

Поразмыслив на подобные темы, вернулся в гомпу, по которой довольно свободно блуждали местные и не очень граждане. Одна полная дама в сари подошла к вырезанной из картона фотографии Цечу Ринпоче в полный рост и с поклоном надела на нее белый шарф, коих там висело уже множество. Две другие дамы, очень похожие на японок, одна молодая, другая пожилая, просто шли вдоль монахов и клали возле каждого деньги. Старик с беззубой улыбкой деловито извлек из целлофанового пакета толстую пачку мелких купюр и начал рассовывать их куда только можно: монахам, доступным фигурам Будд – перед ними стояли чаши с рисом: купюру нужно было свернуть кулечком и воткнуть острым концом в рис. Просто клал деньги на алтарь. Вдоль рядов прошли два монаха: один раздавал всем пластиковые стаканчики, второй наливал в них из огромного чайника масала-чай: чуть солоноватый и с молоком. Позже эти же монахи налили внушительную чашу какого-то алкоголя (что было очевидно по запаху) перед алтарем – видимо, в качестве подношения Буддам.

В общем, скучать не приходилось. Монахи то бормотали, то распевали, на фоне отбивающих ритм барабанов и время от времени ревущих труб делались подношения, производились какие-то ритуальные действия, значение которых я

решительно не понимал. Прошел еще примерно час и, слава Буддам, наши решили, что с нас хватит. Они бы, конечно, еще посидели, но вот тебе, наверное, скучно? Я максимально дипломатично полусшепотом сформулировал мысль о том, что нет, нефига не скучно, но да, пора бы уже и свалить.

Вышли мы из монастыря ближе к обеду. Куда дальше? Военный совет постановил: на Боуду.

Но прежде мы пошли в другое намоленное место, кафе «Своямбу кофе хаус». Там любят столоваться монахи многочисленных окрестных монастырей, да и обычные граждане не брезгают, ибо вкусно и дешево. А еще довольно чисто и даже местами красиво, а еще стратегически грамотно расположено прямо на маршруте большой коры вокруг, собственно, Своямбу. Задний же выход со двора, уставленного столами, выводил прямо к воротам монастыря Шераба Гьял-цена Ринпоче, куда в последствии мы еще неоднократно заглянем.

Кулинарным откровением «кофе хауса» для меня стало чапале, в который (которое?) я наугад ткнул в меню. По сути, это наш родной чебурек! Причем в идеальной его реинкарнации: хрустящее золотистое тесто сверху, а внутри много нежной, сочной, ароматной начинки. Конечно, был бы я буд-

дистом, не стал бы есть чебурек с мясом, но на тот момент я был, скорее, голодным туристом, так что зашло на ура. Цена вопроса такая, что кошелек практически не пострадал, в отличие от моей кармы.

Ну и пока мы жуем, хочу ответить на вопрос, который вы мне не задавали: почему после встречи с Черным Буддой, как я окрестил про себя Будду Депанкара (в разных источниках он зовется то Депанкар, то Депанкара), я делаю вид, как будто ничего особенного не случилось?

В юности, когда я читал про путешествия Карлоса Кастанеды с Доном Хуаном, меня невероятно раздражала похожая история из разряда «не верю». Дон Хуан буквально тыкал Карлоса носом в мистическое, а тот упирался всем своим сознанием и требовал новых и новых пруфов. Людям вообще свойственно игнорировать то, что они не могут рационально объяснить. Показалось, померещилось, надо же, а что это было, а было ли вообще? В итоге полученный опыт постепенно выветривается. Память услужливо заменяет его чем-то более знакомым и привычным.

И сейчас могло произойти также: длинный перелет, новое место, экзотический антураж. Могло просто знобить от акклиматизации. Не умея толком объяснить произошедшее, я по инерции продолжал вести себя как ни в чем не бывало.

Так бы все, возможно, и сошло на нет, если бы не два обстоятельства. Вернее, два опыта, которые у меня уже были в прошлом. И благодаря которым я точно знал, что реальность порой способна удивлять.

Первый случай произошел давно, когда деревья были большие, а я наоборот – молодой, лет двадцати с хвостиком. И была операция, общий наркоз. Доктор велел считать мне вслух от десяти до одного, где-то на цифре «семь» я вырубился. И обнаружил себя летящим в некоем пространстве, как это водится у людей под наркозом. Встречный поток воздуха вдруг начал буквально вышибать из моего тела частицы, как пиксели на экране. Похожая ассоциация.

Я лечу и вижу, как постепенно исчезают руки и ноги. «Редет» тело. Боли нет, но есть полное осознание происходящего и некоторое любопытство. Через какое-то время от меня не остается ничего, я по частицам «выветрен» и распылен. До моего сознания, с которым ничего не случилось, вдруг доходит, что меня НЕТ! Я перестал существовать, прекрасно осознавая данный прискорбный факт. Мир, центром которого я благополучно являлся двадцать с хвостиком лет, при этом никуда не исчез. Не пострадал ни капли от моего «отсутствия».

Это что-то про кота Шредингера: я есть или меня нет?!

Если я есть, где мое тело? А если меня нет, то ЧЕМ я это осознаю? Произошла полная разгерметизация сознания. Все, на что я уверенно опирался до сих пор, было выбито как табуретка из-под ног – и вот я болтаюсь в воздухе, судорожно пытаюсь нащупать хоть что-то.

Через какое-то время процесс запустился в обратном порядке: пиксели, на которые я распался, начали возвращаться, прилетать неоткуда со встречным ветром и вставать на место. Я пересобрался заново, постепенно вернулось туловище, руки-ноги, я начал приходить в сознание...

Помню ощущение ледящего ужаса после. Я ПЕРЕЖИЛ отсутствие себя как личности. Все что было важно, значимо, все, что было мной, попросту не существовало. И я (кто?!) это увидел и прочувствовал. Привычная система координат разбилась вдребезги. Что я мог тогда об этом подумать? Спisał на глюк в матрице и постарался побыстрее забыть, как страшный сон. Почти удалось.

Второй случай произошел примерно за полгода до поездки в Непал. Я работаю на очень тяжелой, изматывающей работе. Изматывающей и физически, и морально. Высасывающей до доньшка. Шла очередная тяжелая смена, к середине которой я почувствовал – все, нет больше сил. И начал бормотать мантру, Ом Мане Пеме Хунг. Мне про нее Лилька

рассказала.

Постепенно в голове образовалась звенящая пустота, только слоги мантры бились в черепной коробке. Я ничего не ждал, ни на что не рассчитывал, ни о чем не думал, я так устал, что мог только повторять мантру бесконечное количество раз. Прошла пара часов и из звенящей пустоты постепенно начало вырисовываться что-то очень теплое и приятное. Внутри меня как будто всходило солнце, освещающая все вокруг теплыми нежными лучами. Я не сразу осознал происходящее, сначала просто почувствовал какие-то легкие изменения, которые довольно быстро набирали силу. Меня наполнила, переполнила и пролилась наружу сначала тихая, а затем бурная радость, безо всяких на то видимых причин. Все та же тяжелая работа, те же лица, к которым вдруг проснулось невероятное ощущение сочувствия и признательности. Меня накрыло звенящее, натянутое как струна, и разлитое до горизонта и за горизонт счастье.

Я перестал читать мантру и просто купался в этом. Улыбался до ушей, радостно думал, что, когда в следующий раз пойду на работу, будет невероятно приятно снова здесь оказаться. Я был счастлив как никогда в жизни. Физическая усталость ушла. Ушли все боли, не осталось ничего негативного, только тотальное счастье от того, что я есть. Неважно, что со мной будет, что я делаю, что буду делать – я ЕСТЬ!

Все люди хотят счастья. И то, к чему они так стремятся – сознательно или бессознательно – я прочувствовал на своем опыте, пусть и эпизодическом. Прорвался сквозь завесу на ту сторону. Когда все улеглось (а нахлобучивало меня весь остаток дня и отголоски были следующим утром), я вспомнил свой первый опыт из юности. Сопоставил с этим. И кое-что понял.

Мир более широк, чем то, что мы обычно воспринимаем и принимаем за него. Мы не те, кем себя считаем. Есть другая сторона, вернее, что-то за пределами всех сторон. Сначала я увидел, что меня нет. А потом появился кто-то абсолютно счастливый.

Где попробовать искать ответы? Буддизм, в общем-то, как раз дает их тем, кто готов слышать. Меня, видимо, подготовили.

Поэтому я не удивился, когда встретился с Черным Буддой. Не ожидал этой встречи, но, пожалуй, знал, что она не случайна. Возможно, это продолжение истории. Хотя бывают чудеса и посерьезнее.

Например, Боуда. Своямбунатх и Боуданатх, Своямбу и Боуда, две великие ступы Катманду и всего буддистского ми-

ра. От одной до другой – примерно полчаса на такси.

Какие же они разные! Своямбу высится на зеленом холме, Боуда вписана окружностью в тело города. Боуда заметно больше, если сравнивать собственно ступы, и не вспоминать, что ступа на Своямбу – это весь холм. Боуда более оживлена, Своямбу более камерна. От Буды ждут исполнения желаний, Своямбу – место для разрешения проблем со здоровьем. Так считается, так люди верят. С туристической точки зрения Боуда – городская достопримечательность, а Своямбу – достопримечательность почти загородная, куда нужно ехать специально, а потом еще взбираться вверх. Но поскольку мы жили возле Своямбу, специально поехали к Боду.

Когда таксист затормозил у тротуара довольно широкой по местным меркам и весьма оживленной улицы, я усомнился, что нас привезли по адресу. Никаких признаков ступы вокруг не было: дома, машины, люди, лавки, обменники. Дама-полицейская ругается с нашим таксистом – останавливаться здесь нельзя. Но вот между домами арочный проход и ты ныряешь в другую реальность.

Для начала – пресловутая будка с продажей билетов интуристам. На этот раз все серьезнее, тысяча рупий. За аркой открывается круглая площадь со ступой, занимающей боль-

шую ее часть. Налево и направо плавно закругляется линия ритуальных барабанов, несколькими ярусами поднимается сама ступа, увенчанная огромной белой «юбкой» с традиционными желтыми разводами, над ней – квадрат с лицами Будды, еще выше – позолоченный шпиль с не менее традиционным набором наверший и расходящимися трепещущими лентами флажков. Ступа огромна, но она совершенно не давит своим размером. Наоборот, ловишь ощущение легкости и полета. Кстати, по специальной лестнице можно «взлететь» на второй ярус, предварительно сняв обувь, походить в носках или босиком по шершавой выпуклой поверхности, ощутить то, что говорят о ступе многие и многие паломники: «Она живая».

Площадь опоясывает плотная гирлянда разноцветных зданий: на первых этажах магазины, в основном сувенирные, на верхних – рестораны, занимающие также открытые балконы, террасы и крыши. Поток людей «вращается» вокруг ступы по часовой стрелке. Толпа, подобно морю, бурлит на площади, уходит в проемы зданий и сквозных галерей, ведущих на соседние улочки, волнами возвращается оттуда новыми людскими потоками. Людей много, но на площади не тесно, места хватает всем.

За первой стеной с барабанами, ниже второго яруса – пространство для уединения, медитаций, простираний, подно-

шений. Тут человек отгорожен от городской суеты и напрямую общается со ступой и своей природой. Такое тут устройство, если в двух словах. Боуда – целый район вокруг ступы, с огромным количеством лавок, ресторанов, забегаловок, гостиниц, хостелов, всего на свете, есть здесь и несколько монастырей, один из которых основал Ургьен Ринпоче, в гостях у которого мы побываем несколькими днями позднее.

Историй возникновения Боуды, как водится, несколько, и не одна из них не претендует на единственно верную. Возраст ступы колеблется в разных источниках от пятисот до двух с половиной тысяч лет, то есть еще до времен Будды Гаутамы. По одному из преданий, в ступе находится прах предыдущего Будды, Будды Кашьяпы.

Есть легенда про засуху и самопожертвование махараджи, обманом заставившего сына отрубить себе голову – эта жертва была необходима, по мнению богов, для возвращения воды. После чего боги приказали сыну построить на месте убийства ступу – и уж тогда точно вода вернется, что и произошло после 12 лет строительства.

Есть легенда о женщине, которая обратилась к местному правителю с просьбой выделить землю для возведения ступы. Хитрый дядька разрешил ей забрать столько земли, сколько сможет покрыть платок или, по другой версии, ко-

ровья шкура. Тогда женщина распустила платок на нитки (шкуру на волокна) и сумела опоясать этой ниткой изрядное пространство, которое и занимает ныне Боуда.

Дальше легенда гласит, что женщина со своими тремя сыновьями принялась строить ступу, но не дожидая до завершения работ. Когда ступу достроили, работу «принимал» кто-то из великих Будд или Бодхисаттв, не могу вспомнить, кто именно. Важно то, что он мог исполнять желания – и предложил трем сыновьям в награду за труд загадать по одному желанию.

Первый сын загадал стать правителем Тибета – и стал царем Трисонг Дэценом, пригласившим в Тибет сто восемь учителей буддизма. Второй захотел быть при этом правителе советником и ученым – так появился Шантаракшита, настоятель первого буддистского монастыря в Тибете, тот, кто на самом деле первым принес буддизм на Тибет по зову Трисонг Дэцена. Третий сын пожелал защищать братьев и нести свет Дхармы – и стал Падмасамбхавой, Лотосорожденным, Гуру Ринпоче, одним из самых почитаемых фигур тибетского буддизма, призванного в свою очередь Шантаракшитой из Индии для защиты от злобного духа-нага. Это всего лишь легенда, но я позже нашел ей подтверждение в книге Урьгена Ринпоче «Блистательное величие»:

«Шантарикишта был великим бодхисаттвой, и его сердце было полно невиданного сострадания и миролюбия. Из-за своего миролюбия он не мог подчинить местных духов, обитающих в окрестностях Самье. Казалось, что Шантаракшита вот-вот сдастся и не выполнит возложенную на него миссию, а потому царь все больше мрачнел, не видя никакого продвижения дела.

– Я всего лишь бодхисаттва, – сказал царю Шантаракшита, – я не могу справиться со всеми могущественными духами этой местности. Но не отчаивайся: выход есть. В Индии живет тот, кому нет равных во всем. Он даже родился не из материнского чрева. Его зовут Падмасамбхава, Лотосорожденный. Все боги и демоны, противящиеся истинным учениям, замирают от ужаса и цепенеют, едва услышав его имя. Пригласи его в Тибет, и наши трудности закончатся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.